

**Э П О Х А
Т И Р А Н И И**

Вероломный бог

Бог сломленных

Cameron Johnston

**G O D
O F B R O K E N
T H I N G S**

Кэмерон Джонстон

БОГ СЛОМЛЕННЫХ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Cameron Johnston

GOD OF BROKEN THINGS

Copyright © Cameron Johnston 2019

This edition is published by arrangement with Johnson & Alcock
Ltd. and The Van Lear Agency

Иллюстрация на переплете

Антон «Hanzett» Алексеев

Джонстон, Кэмерон.

Д42 Бог сломленных / Кэмерон Джонстон ; [перевод с английского Р. Сторикова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Век магии. Главные новинки зарубежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-229235-4

Убийство друга привело Эдрину Бродягу к старому врагу и вскрыло ужасный заговор, в котором участвуют зараженные скаррабусом маги. Но, как оказалось, нападение Магащ-Морой было лишь началом вторжения, и настоящий враг сетарийцев намного древнее, чем само человечество. Дар Бродяги распадается, и Эдрин боится стать тем, кем его всегда считали. Маги Арканума отсылают его и горстку добровольцев навстречу скалпгримскому войску. Путь Бродяги лежит туда, куда ему меньше всего хотелось бы возвращаться – на родину его кошмаров.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-229235-4

© Р. Сториков, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Посвящается Наташе

ГЛАВА 1

Прячась в тени дверного проема, я наблюдал, как Вивьен из благородного дома Адэр, давно растерявшего влияние, выходит через черный ход после полуночного свидания со своим любовником, женатым капитаном стражи. Ее щеки под накинутым капюшоном до сих пор горели. Она шла в Старый город переулками Полумесяца, чтобы вернуться до того, как всполошится муж. Для моих обостренных магическим Даром чувств ее незащищенный разум лучился теплом удовлетворенной похоти.

Была бы она обычным человеком, пускай раздвигает ноги перед кем угодно, меня это не касается. Но если она заражена теми же паразитами, что управляли изменником Харальтом и чуть не уничтожили город, туповатый страж мог выдать сведения, которые используют против нас, — вот это меня очень даже касается.

Она была наименее опасной из трех магов, которых я посчитал возможной угрозой, всего-навсего техником, а не воином, имела дело в основном с магическими кристаллами и всякими мудреными аппаратами. Ее Дар молодого и не очень умелого пироманта, наделенного лишь экстраординарной памятью, был слабее моего и по обычным меркам, а с тех пор как я омылся кровью богов и обрел часть их силы, ей со мной уж точно не тягаться. Конечно, риск всегда есть. Знания Вивьен в области техники и алхимии делали ее опасной,

а возможно, она поучаствовала в уничтожении Ордена магов. Провидцам Арканума открылось, что в тех событиях задействовали множество магов, а кто лучше техника преодолеет защитные заклинания и укрепленный магией камень?

Пали устремленные ввысь шпили, находившиеся в самом сердце Сетариса, и я позабочусь о том, чтобы все причастные заплатили за измену самую ужасную цену.

Я вышел из сумрака и преградил ей дорогу:

— Привет, Вивьен.

Она дернулась и взвизгнула:

— Кто... — Поняв, кто перед ней, она побледнела. Ее Дар распахнулся и напитался магией в готовности сражаться, а разум закрылся защитной стеной. Она выпрямила спину и посмотрела мне прямо в глаза. — Эдрин Бродяга. Зачем ты прячешься здесь в темноте? Наверняка задумал что-то дурное.

Я то и дело слышу, что мое имя произносят как проклятие. Истории о том, что я сотворил несколько месяцев назад, бурлили, словно засорившаяся сточная канава, да и воняло от них так же. Но ни одна не была близка к истине. Я вытащил из подсумка и поднес к губам памятую самокрутку — последний обнаруженный в городе табак.

— Не дашь прикурить, а?

Она поджала губы, и конец самокрутки на секунду вспыхнул, причем ярче необходимого — явное предупреждение. Я глубоко затянулся и выдохнул едкий дым.

— Чего я хочу? — Я прощупал ее защиту в поисках слабого места. — Скажи, Вивьен, ты все еще верна Сетарису?

Она нервно сглотнула. Ее руки задрожали, а напускная сила пошла трещинами. Вероятно, она решила, что

я собираюсь шантажировать ее изменой мужу. Вот уж на что мне было совершенно плевать.

Трещина в ее уверенности позволила просочиться моему Дару. При желании я мог бы ворваться в ее разум и забрать все, что хочу. А подписанный канцлером Киллиан декрет разрешал мне делать что угодно, и меня даже не убьют, когда обо всем узнают. Такое искушение. Сильнейшее искушение.

— Чего тебе надо? — выплюнула она. — Золота?

— Это вряд ли, — отозвался я. — Я хочу разузнать о Харальте. Расскажи, что ты сделала для этого выродка.

Она отпрянула и даже оперлась рукой о стену, чтобы удержаться на ногах, потом согнулась пополам, и горло дернулось, словно ее вот-вот стошнит. А разум сжался, сочась чувством вины.

— А ты думала, никто не узнает? Если хорошо заплатить, всегда можно развязать языки.

Ее ученики в мастерской вдруг разжились деньгами и не стеснялись их тратить. Не то чтобы они охотно разговорились, но я умею настоять на своем.

Ее все-таки не вырвало.

— Я... я понятия не имела... Харальт был так мил, так очарователен. Разве я могла подозревать, что он... Я не виновата.

Я ковырнул ее разум, так что она охнула, и сказал:

— Скаррабус.

Ничего. Название существа не вызвало ни ужаса, ни воспоминаний. Она никогда прежде его не слышала. Ее разум был чист от влияния этих паразитов. Она не изменница, просто одурочена.

Она набралась смелости снова посмотреть мне в глаза:

— Ты пришел меня убить? Если так, то давай.

Ох, как же мне этого хотелось. Под руинами Ордена магов погибли сотни человек, и этого не случилось бы, если бы она и другие не поспособствовали. Я сжал правую руку — она буквально чесалась от желания вырвать Вивьен глотку. Но вместо этого я вздохнул и приглушил гнев. Она не первая и не последняя из тех, кого он обвел вокруг пальца. Я вспомнил, как Эва окаменела от потрясения, когда тот, кого она считала другом, обратил свое пламя против нее. Да, этот мерзкий пес обманул лучших из нас.

Я поморщился и разжал кулак.

— Не сегодня. — Я взъерошил волосы. — Тащи свою жалкую задницу к канцлеру Киллиан и подробно расскажи, что именно ты создала для этого ублюдка. И даже не пытайся сбежать из города. — Мои губы искривились в злобной ухмылке, показывающей, как мне хочется, чтобы она попыталась. — Согласно декрету, я могу делать с тобой все что угодно.

Люди всегда с готовностью воображали обо мне самое ужасное, и ее воображение рисовало кошмарные сцены страшных пыток, придуманных специально для нее. Однако Киллиан поджарила бы меня на раскаленных углях, если бы я переступил черту, да и другие, скорее всего, не обрадуются, а именно такое недовольство не оставляет без работы наемных убийц.

Вивьен вздрогнула, несколько раз глубоко вздохнула и успокоилась, снова взяв себя в руки. Она кивнула и, казалось, даже почувствовала облегчение от того, что ее мрачная тайна наконец-то раскрыта.

У меня не было времени продолжать расспросы, только не сегодня.

— Иди домой. Может, тебе и удастся выйти сухой из воды.

Я собрался уходить.

— Я так сожалею, — жалобно пропищала она. — Мысль об этом меня буквально пожирала живьем... Я просто... хотела забыть. Хотя бы на время. Я была такой дурой, возродив творения безумца Таннара. Нельзя было создавать эти алхимические бомбы.

Последняя во всем проклятом городе самокрутка чуть не вывалилась изо рта.

— Бомбы? Во множественном числе? Ты сделала не одну? — Я снова развернулся в ее сторону. — Что ты...

От вспыхнувшего желания убивать я отпрыгнул и перекатился по мостовой. Бульжники, на которых я стоял, разлетелись зазубренными острыми обломками, сбили Вивьен с ног и превратили ее в подушку для иголок. Пронзившие сердце и череп каменные стрелы сделали ее смерть быстрой и милосердной. Вивьен зависла в воздухе, а горячая кровь, стекая по остывшему за зиму камню, с шипением испарялась.

Проклятье. Сегодня не мой день.

ГЛАВА 2

Девятью часами ранее меня окружили вооруженные люди и сопроводили в Коллегиум Арканума на срочный совет главных магов города. Как обычно, важные персоны заставили сидеть на неудобной скамье и прождать целую вечность, пока меня соизволят принять, но я хотя бы страдал не в одиночестве.

Через некоторое время вопли слились в белый шум, раздражающе гудящий где-то в затылке, не ужаснее собачьего лая или храпа пьяницы с соседнего соломенного тюфяка. Я зевал, не обращая внимания на двух вооруженных стражей по обе стороны от меня, и ерзал на жесткой деревянной скамейке, глядя прямо перед собой на кованые двери. Взгляд то и дело натыкался на слишком знакомые мерцающие узоры защитных знаков, вырезанных на дубовых досках. Зал Ковки нельзя назвать моим любимым местом в Коллегиуме, не в последнюю очередь потому, что я сам когда-то проходил через этот магический ритуал. Через него проходят все маги, но никто не помнит подробностей, только боль и раздражающие глотку крики. А еще иглы, их не забудешь.

Вонзающиеся под ногти... Колющие глаза... Протыкающие язык... и другие части тела...

Я закинул ногу на ногу и плотнее запахнулся в плащ. Ненавижу проклятый Арканум — его жестокие правила и ритуалы сломали моего друга Линаса. Он уже больше

не стал прежним. Да как они только могут подвергать такому невинных новичков! И все же... Теперь я понял и признал необходимость поддерживать магией верность Сетарису. Нельзя превращать людей в живое оружие и позволять им бесконтрольно делать все что угодно. После случившейся три месяца назад катастрофы, которую теперь называли Черной осенью, никто не станет этого отрицать. Но мне все равно это не нравилось.

Дверь в зал Ковки наконец со скрипом открылась, и я выпрямился, поморщившись, когда жалобно занял позвоночник. Боль теперь стала моей постоянной спутницей.

В щель высунула голову девушка. Ее каштановые волосы были собраны в аккуратный хвост, а темные пятна на простой коричневой мантии без каких-либо украшений выдавали мага-целителя из Ордена зимородка. Когда-то они ходили в белых мантиях, но теперь одевались в дешевые и практичные коричневые. Что до меня, то я не выношу мантии и обозначаемый ими статус. Мне хватает и обычной крестьянской рубахи со штанами.

Ее широко открытые глаза излучали тревогу.

— Канцлер Киллиан просит тебя войти, маг.

Она быстро отступила, освобождая проход. С недавних пор я уже не мог пробираться по городу неузнанным — каждый встречный мерзавец и даже его лошадь знали, кто я такой. Такое случается, когда убиваешь бога и спасаешь город. Большинство жителей, похоже, сомневалось, что Натэр, Похититель жизни, и впрямь умер от моей руки, но многие маги слышали достаточно, чтобы нервничать в моем присутствии. Что до тех, кто на самом деле знал правду о моем участии в этих событиях... никто не станет их винить в том, что они меня боятся.

Стоило мне войти, как в нос ударила кислая вонь крови, пота, мочи и уксуса, почти перекрыв резкий чистый запах, какой бывает после грозы. За деревянной ширмой открывалась комната, заполненная сложной мешаниной предметов. Всю стену занимали медные трубки и пучки золотистой проволоки, гудевшие от энергии, как улей разъяренных пчел. Внутри стеклянных банок трещали и плевались молнии. Латунные шестеренки тикали и вращались с завораживающей четкостью. Пять техников в странных керамических перчатках внимательно рассматривали множество светящихся кристаллов и подвижных стержней, мерцающих и танцующих в такт с подергиваниями голого человека, привязанного к столу в центре комнаты. Для меня все это было просто красивыми огоньками.

Руки и ноги молодого Одаренного были прикованы к столу стальными цепями, а кожаные ремни удерживали голову и тело в неподвижном состоянии для его же безопасности. Голову обхватывал открытый шлем со множеством игл, некоторые из которых уже были вживлены в череп и соединены проволокой с магическими механизмами на стене. Прямо под столом находился стальной поддон с решеткой, поскольку человек мог обмочиться от страха и боли. Я содрогнулся, потому что слишком хорошо помнил это унижение, служившее лишь предвестником гораздо более страшных испытаний, ожидающих впереди.

Киллиан с несвойственной ей черствостью склонилась над Одаренным и воткнула еще одну иглу, на этот раз в сердце. Прикрепив иглу к проволоке, она отступила. Ближайший техник слегка толкнул рычаг вверх. Когда в мальчика хлынула незнакомая мне магия, он забился в конвульсиях и закричал.

Я поморщился, потому что сквозь трещины моего Дара в разум просочились боль и паника Одаренного. После всего, через что я прошел, я уже не мог полностью отгородиться от чужих мыслей. От гудящего механизма пахло магией, напоминающей мою собственную. Не сказать, что я удивился, ведь все эти диковинные и раздражающие аппараты служили только одной цели — вживить в разум Одаренного преданность Сетарису и Аркануму. Этот древний механизм создали при основании Арканума в последовавшие за разрушением древнего Эшарра годы. Его придумали маги-беженцы, используя давно утерянные знания, — возможно, утерянные умышленно.

Одаренный впился в меня взглядом, умоляя прекратить мучения. Его щеки были мокрыми от слез.

— А, Эдрин, — сказала Киллиан. — Я рада, что мои гонцы наконец-то тебя нашли.

Я вечно забывал, какая она высоченная и какая красавица. Она была в официальной лазурной шелковой мантии, а непослушную гриву темных кудрявых волос умирнял золотой обруч. Ее смуглая кожа выглядела землистой и восковой от истощения. Насколько я ее знаю, в последние три месяца она наверняка спала лишь урывками.

Я оглядел пыточный стол, другим словом его не назвать.

— Довольна собой, да?

Гонцы, ну ты подумай! Больше похожи на стаю вооруженных стражей, готовых притащить меня к ней, хочю того или нет.

Она полностью проигнорировала мой укол — по правде говоря, мудрая тактика, когда приходится иметь дело с малоприятными людьми вроде меня. Она поджала губы.